

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЛИСИЦА

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, д. 10

E-mail: lissitsa@mail.ru

SPIN-код: 6003-1410

DOI: 10.35427/2073-4522-2023-18-4-lisitsa

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА И ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА В МЕЖДУНАРОДНОМ И РОССИЙСКОМ ИНВЕСТИЦИОННОМ ПРАВЕ

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена появлением и закреплением в действующем российском гражданском законодательстве цифровых прав, которые прямо не предусмотрены в международном инвестиционном праве и основополагающих актах инвестиционного законодательства Российской Федерации. Цель исследования — рассмотреть особенности цифровых прав при их использовании в инвестиционной деятельности и на основе анализа положений международных договоров Российской Федерации и действующего законодательства РФ обосновать допустимость признания таких прав в качестве инвестиций или объекта инвестиционной деятельности и, как следствие, их правовой защиты со стороны международного и российского инвестиционного права. В этой связи обосновывается появление нового вида инвестиций, вкладываемых в цифровые права, — цифровых инвестиций.

Особое внимание уделено исследованию сущности цифровой валюты, которая имеет неоднозначный характер в действующем законодательстве РФ. В целях обеспечения надлежащего правового регулирования ее использования в инвестиционной и иной экономической деятельности сделан вывод о целесообразности ее прямого законодательного признания в качестве имущества.

Выявлены также другие проблемы правового регулирования инвестиционной деятельности с использованием цифровых прав в Российской Федерации и сформулированы предложения по их разрешению. В частности, аргументируется положение о необходимости систематизации действующего инвестиционного законодательства РФ, в том числе путем консолидации специальных федеральных законов от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и от 31 июля 2020 г.

№ 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Ключевые слова: цифровое право, цифровая валюта, инвестиция, цифровая инвестиция, объект инвестиционной деятельности, инвестор, инвестиционное право

VALERIY N. LISITSA

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
10, Znamenka str., Moscow, 119019, Russian Federation
E-mail: lissitsa@mail.ru
SPIN code: 6003-1410

DIGITAL RIGHTS AND DIGITAL CURRENCY AS AN OBJECT OF PROTECTION IN INTERNATIONAL AND RUSSIAN INVESTMENT LAW

Abstract. The relevance of the study is due to the emergence and recognition of digital rights in the current Russian civil legislation, which are not directly stipulated in international investment law and the key acts of the investment legislation of the Russian Federation. The purpose of the research is to consider the features of digital rights used in investment activities and on the result of the analysis of the provisions of international treaties of the Russian Federation and the current legislation of the Russian Federation to justify the admissibility of recognizing such rights as investments or an object of investment activities and their legal protection under international and Russian investment law. In this regard it is argued the emergence of such a type of investments endowed into digital rights as digital investments.

The special attention is paid to the study of the legal essence of digital currency, which has an ambiguous character in the current legislation of the Russian Federation. In order to ensure the proper legal regulation of its use in investment and other economic activities, it needs to be recognized as a property on the legislative level.

Some other problems of legal regulation of investment activity with the use of digital rights in the Russian Federation are also identified and the proposals for their resolution are made. In particular, it is argued to systematize the current investment legislation of the Russian Federation, including by the means of the consolidation of special federal laws of 02.08.2019 No. 259-FZ "On Attracting Investments Using Investment Platforms and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" and of 31.07.2020 No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation".

Keywords: digital rights, investment, digital investment, object of investment activity, investor, investment law

1. Введение

Как известно, инвестиционная деятельность многообразна¹ и может предусматривать вложение инвестиций в различные объекты, и в первую очередь во вновь создаваемые и модернизируемые основные средства производства во всех отраслях и сферах отечественной экономики. Последние представляют собой капитальные вложения и подлежат регулированию Федеральным законом от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»² (далее — Федеральный закон № 39-ФЗ).

Формы инвестиций различны³. В частности, при ведении инвестиционной деятельности могут использоваться различные имущественные права (исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации товаров, работ, услуг и предприятий, денежные требования и иные обязательственные права, корпоративные имущественные права и т.д.). К их числу относятся и цифровые права, которые были введены сравнительно недавно в Гражданский кодекс РФ (далее — ГК РФ) и стали предметом многочисленных исследований в юридической литературе⁴.

Следует отметить, что выбранные законодателем название и модель регулирования цифровых прав в ряде случаев критикуется в отечественной юридической науке⁵. В ней отмечается некорректность

¹ См.: Инвестиционное право / Под ред. И.В. Ершовой, А.Ю. Петракова. М., 2021. С. 78–86.

² Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (ред. от 28 декабря 2022 г.) // СЗ РФ. 1999. № 9. Ст. 1096.

³ См., например: *Arbitration under International Investment Agreements* / Ed. by K. Yannaca-Small. Oxford, 2010. P. 243–269.

⁴ См.: Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России / Отв. ред. В.А. Лаптев, О.А. Тарасенко. М., 2020. С. 66–102; *Городов О.А.* Об утилитарных цифровых правах как новом инструменте привлечения инвестиций // Проблемы гармонизации экономических отношений и права в цифровой экономике. М., 2020. С. 100–110; *Куницкая О.М.* Цифровые знаки (токены) в системе объектов гражданских прав и как инвестиции по законодательству Республики Беларусь // *Право.by*. 2020. № 3(65). С. 34–39; *Рожкова М.А.* Является ли цифровое право отраслью права и ожидать ли появления цифрового кодекса? // *Хозяйство и право*. 2020. № 4 (519). С. 3–12.

⁵ См., например: *Рожкова М.А.* Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // *Хозяйство и право*. 2020.

используемого термина, который некоторыми учеными определяется через право на доступ в Интернет и иные субъективные права в информационной сфере (киберпространстве, Интернете и т.д.) и потому не относится к гражданскому праву. Кроме того, в зарубежной литературе и законодательстве иностранных государств, как известно, обычно используется иное понятие — токен или криптоактив⁶.

В любом случае необходимо констатировать, что подобные объекты прямо не названы в качестве инвестиций в международном инвестиционном праве и основополагающих актах инвестиционного законодательства Российской Федерации, предусматривающих различные гарантии прав инвесторов, что поднимает актуальный вопрос о допустимости и особенностях их правовой защиты со стороны международного и российского инвестиционного права. В частности, это касается Федерального закона № 39-ФЗ, Федерального закона от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»⁷ (далее — Федеральный закон № 160-ФЗ) и Закона РСФСР от 26 июня 1991 г. № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР»⁸ (далее — Закон РСФСР № 1488-1). В отношении последнего Закона интересно то, что он в целом утратил силу, но только в части норм, противоречащих вышеуказанному Федеральному закону № 39-ФЗ. Такая неоправданная двойственность в регламентации инвестиционной деятельности, осуществляемой как российскими, так и иностранными инвесторами, пробелы в порядке использования исключительных, цифровых и иных имущественных прав в качестве инвестиций не способствуют формированию правовых основ инвестиционной деятельности, необходимых для привлечения инвестиций

№ 10 (525). С. 3–12; Кириллова Е.А., Зулфугарзаде Т.Э., Метелёв С.Е. Институт цифровых прав в гражданском праве России // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 1. С. 245–256; Савоськин А.В., Коростелева Т.О. Цифровые права как субъективные права пользователей сети Интернет // e-FORUM. 2021. Т. 5. № 4 (17).

⁶ См., например: The Law of Crypto Assets / Ed. Ph. Maume, L. Maute, M. Fromberger. München, 2022. P. 1–618; Лоренц Д.В. Инвестиционные платформы: унификация понимания токенов и договорный статут для смарт-контрактов // Кодификация международного частного права и проблемы международной унификации / Отв. ред. Н.Г. Доронина, Н.И. Марышева. М., 2021. С. 150–152.

⁷ Федеральный закон от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» (ред. от 29 декабря 2022 г.) // СЗ РФ. 1999. № 28. Ст. 3493.

⁸ Закон РСФСР от 26 июня 1991 г. № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» (ред. от 26 июля 2017 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1005.

в российскую экономику. При этом также обращает на себя внимание то, что структура и содержание данных законодательных актов являются очень похожими, что ставит вопрос о необходимости проведения консолидации рассматриваемых федеральных законов⁹.

2. Понятие и сущность цифровых прав и цифровой валюты в российском праве

В соответствии со ст. 128 ГК РФ цифровые права в системе объектов гражданских прав отнесены в группу имущественных прав. В ст. 141¹ ГК РФ им дается легальное определение как названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Тем самым закон выделяет два квалифицирующих признака таких прав:

- 1) прямое указание (признание) цифровых прав в законе;
- 2) использование информационной системы для возникновения, осуществления и распоряжения цифровыми правами.

В целом нельзя не отметить, что положения ГК РФ в части регулирования оборота цифровых прав носят довольно общий характер и не в состоянии надлежащим образом урегулировать возникающие при этом инвестиционные и иные отношения. В этой связи становится понятной ведущая роль специальных федеральных законов в данной сфере. В настоящее время таковыми являются федеральные законы от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁰ (далее — Федеральный закон 2019 г № 259-ФЗ) и от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹¹

⁹ Более подробно см.: *Лисица В.Н.* Инвестиционное законодательство Российской Федерации: история, современное состояние и перспективы развития // Право и экономика. 2023. № 2 (420). С. 54–60.

¹⁰ Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ (ред. от 14 июля 2022 г.) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.04.2023).

¹¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные

(далее — Федеральный закон 2020 г № 259-ФЗ). Интересно отметить, что в соответствии с п. 4 ст. 5 первого из них инвестирование с использованием инвестиционной платформы может осуществляться путем приобретения цифровых финансовых активов. Другими словами, действие данного законодательного акта должно затрагивать оборот цифровых финансовых активов. Вместе с тем отношения по их выпуску, учету и обращению отнесены к предмету регулирования уже второго Федерального закона, что указывает на частичное совпадение сфер действия данных законодательных актов и ставит вопрос о необходимости проведения их консолидации.

Названные законодательные акты предусматривают две разновидности рассматриваемых прав: утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы, отличающиеся друг от друга по своему содержанию (по видам субъективных гражданских прав) и основанию их возникновения. Первые изначально возникают на основании договора о приобретении утилитарного цифрового права, который заключается с использованием инвестиционной платформы, а вторые — решения о выпуске цифровых финансовых активов в установленном законом порядке.

Несмотря на детальную регламентацию гражданского оборота данных цифровых прав, нельзя не отметить ряд правовых пробелов и противоречий, связанных с применением положений вышеназванных федеральных законов. В частности, в отличие от выпуска цифровых финансовых активов порядок возникновения утилитарного цифрового права является довольно непонятным. Как следует из ч. 3 ст. 8 Федерального закона 2019 г. № 259-ФЗ, утилитарное цифровое право изначально возникает на основании договора о приобретении утилитарного цифрового права, заключенного с использованием инвестиционной платформы, причем исходя из ч. 7 той же статьи — у первого приобретателя с момента внесения информации об этом в инвестиционной платформе согласно правилам данной инвестиционной платформы. Получается странная ситуация, когда имущественное право изначально появляется в силу волеизъявления двух сторон, но при этом правообладателем признается только одна из них; одновременно возникшее право передается другой стороне — приобретателю, причем обычно за плату в пользу правообладателя. Фигура последнего в такой схеме для приобретателя представляется явно излишней: при-

акты Российской Федерации» (ред. от 14 июля 2022 г.). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.04.2023).

обретатель мог бы создать свое цифровое право и на основании совершенной им односторонней сделки. Кроме того, не предусмотрены в Законе особенности заключения, исполнения и прекращения договора о приобретении утилитарного цифрового права, а также его место в системе гражданско-правовых договоров.

Другая проблема связана с гражданско-правовой природой цифровой валюты. В литературе справедливо отмечается, что ее трудно отнести к каким-либо традиционным объектам гражданских прав¹². Федеральный закон 2020 г. № 259-ФЗ в ч. 3 ст. 1 определяет ее как совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей. Очевидно, что в таком понимании — как цифровой код — она не может признаваться объектом гражданских прав. Однако далее в легальном определении указывается на возможность использования цифровой валюты в качестве инвестиции, которая, как будет показано *infra*, всегда является имуществом в его широком значении — другими словами, объектом гражданских прав. На использование цифровой валюты в гражданском обороте указывает также ст. 14 данного Федерального закона, в ч. 3 которой дается определение организации обращения цифровой валюты. Последнее предусматривает возможность перехода цифровой валюты от одного обладателя к другому и тем самым указывает на гражданско-правовую оборотоспособность данного объекта. Поэтому в целях устранения существующей неясности в гражданско-правовой природе цифровой валюты и обеспечения надлежащего правового регулирования ее использования в инвестиционной и иной экономической деятельности ее следовало бы на законодательном уровне прямо признать в качестве имущества.

Нельзя не отметить, что в рассматриваемой сфере существуют и другие проблемы гражданско-правового характера в части оборота цифровой валюты, на что справедливо указывается в юридической литературе¹³. Действующих норм крайне недостаточно, тогда как более

¹² См., например: *Ефимова Л.Г.* Криптовалюты как объект гражданского права // *Хозяйство и право.* 2019. № 4. С. 17–25; *Fintech: Law and Regulation* / Ed. by J. Madir. Cheltenham; Northampton, 2019. P. 115–116.

¹³ См., например: *Рожкова М.А.* Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве. С. 10–12.

понятное регулирование данных вопросов можно встретить в зарубежных правовых порядках¹⁴. В этой связи неслучайно появление в Государственной Думе Российской Федерации, к примеру, законопроекта № 237585-8¹⁵, предусматривающего внесение изменений и дополнений в действующее законодательство в части закрепления порядка и условий по созданию (майнингу) цифровой валюты.

3. Понятие инвестиции в международном инвестиционном праве и допустимость признания цифровых прав в качестве инвестиции

Для современного международного инвестиционного права, источниками которого выступают многочисленные многосторонние, региональные и двусторонние международные договоры в сфере инвестиционной деятельности, характерен широкий подход в понимании инвестиции, что традиционно отмечается в юридической литературе¹⁶. Так, к примеру, согласно пп. 7 п. 6 Протокола о торговле услугами, учреждениями, деятельности и осуществлении инвестиций Договора о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.)¹⁷ инвестиции — это материальные и нематериальные ценности, вкладываемые инвестором одного государства-члена в объекты предпринимательской деятельности на территории другого государства-члена в соответствии с законодательством последнего, в том числе: денежные средства (деньги), ценные бумаги, иное имущество; права на осуществление предпринимательской деятельности, предоставляемые на основе законодательства государств-членов или по договору, включая, в частности, права на разведку, разработку,

¹⁴ Более подробно см.: *The Law of Crypto Assets* / Ed. Ph. Maume, L. Maute, M. Fromberger. P. 429–618.

¹⁵ Законопроект № 237585-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/237585-8> (дата обращения: 02.03.2023).

¹⁶ См., например: *Sornarajah M. The International Law on Foreign Investment*. Cambridge, 2004. P. 7–18; *Williams D., Foote S. Recent Developments in the Approach to Identifying an ‘Investment’ pursuant to Article 25 of the ICSID Convention // Evolution in Investment Treaty Law and Arbitration* / Ed. by Ch. Brown, K. Miles. Cambridge, 2011. P. 42–64.

¹⁷ Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.) (ред. от 24 марта 2022 г.). URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 24.04.2023).

добычу и эксплуатацию природных ресурсов; имущественные и иные права, имеющие денежную оценку. Как видно, цифровых прав в данном перечне нет. Однако последний имеет открытый характер и может включать любые имущественные права, к которым, как было показано *supra*, относятся и цифровые права.

Аналогичные определения инвестиции, предусматривающие открытый перечень инвестиций, но без прямого указания цифровых прав, закреплены практически во всех двусторонних международных договорах Российской Федерации. Проблема в том, что все они были заключены до введения цифровых прав в ГК РФ. Так, например, согласно п. “b” ст. 1 Соглашения между Правительством СССР и Правительством Канады о поощрении и взаимной защите капиталовложений (заключено в г. Москве 20 ноября 1989 г.)¹⁸ термин «капиталовложение» означает все виды имущественных ценностей, которые инвестор одной Договаривающейся Стороны вкладывает прямо или косвенно, через посредство инвестора третьего государства, на территории другой Договаривающейся Стороны, и включает, в частности, но не исключительно:

- i) любое движимое и недвижимое имущество и любые связанные с ним имущественные права, такие, как право залога;
- ii) акции, вклады, облигации или любые другие формы участия в компании или предприятии, в том числе совместном предприятии;
- iii) денежные требования и права требования по исполнению договорных обязательств, имеющих экономическую ценность;
- iv) любые права на интеллектуальную собственность, включая авторские права, права на патенты, товарные знаки, фирменные наименования, промышленные образцы, а также коммерческие тайны и ноу-хау;
- v) права на осуществление экономической или коммерческой деятельности, включая права на разведку, разработку, добычу или эксплуатацию природных ресурсов, предоставленные по законодательству или договору.

При исследовании понятия инвестиции нельзя не сделать вывод о том, что оно не является единым и унифицированным по своему содержанию¹⁹. В многосторонних и двусторонних международ-

¹⁸ Соглашение между Правительством СССР и Правительством Канады о поощрении и взаимной защите капиталовложений (заключено в г. Москве 20 ноября 1989 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1991. № 48. Ст. 1356.

¹⁹ См.: *Schill S.* The Multilateralization of International Investment Law. Cambridge, 2009. P. 71–74; *Ануров В.Н.* Компетенция третейского суда: В 3 т. М., 2022. Т. 2: Инвестиционные споры. С. 262–269.

ных договорах о поощрении и взаимной защите капиталовложений встречаются похожие, но тем не менее не совпадающие в полной мере текстуально определения инвестиций, которые могут ограничиваться в целях предоставления международно-правовой защиты только для отдельных их видов и форм. К примеру, в Регламенте заключения международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты инвестиций, утвержденном постановлением Правительства РФ от 30 сентября 2016 г. № 992 «О заключении международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты инвестиций»²⁰, конкретизируется, что подобный международный договор должен применяться к определенным в нем активам, которые вкладываются инвестором одной стороны договора на территории другой стороны договора. При этом указанное вложение активов должно быть связано с получением прибыли на территории стороны договора, на территории которой активы вкладываются, или направлено на получение такой прибыли.

Данный вывод об отсутствии унифицированного определения инвестиции в международном инвестиционном праве подтверждается практикой Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС), учрежденного Конвенцией об урегулировании инвестиционных споров между государствами и гражданами других государств (заключена в г. Вашингтоне 18 марта 1965 г.)²¹ (далее — Вашингтонская конвенция). К примеру, в решении МЦУИС по делу *Mihaly International Corporation v. Democratic Socialist Republic of Sri Lanka* (ICSID Case No. ARB/00/2)²² было прямо указано на отсутствие четкого определения инвестиции в Вашингтонской конвенции, как, впрочем, и в других международных договорах. В другом известном деле *Salini Costruttori S.p.A. and Italstrade S.p.A. v. Kingdom of Morocco* (ICSID Case No. ARB/00/4)²³ было также констатировано отсутствие в Вашингтонской конвенции какого-либо определения инвестиции,

²⁰ Постановление Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2016 г. № 992 «О заключении международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты инвестиций» // СЗ РФ. 2016. № 41. Ст. 5836.

²¹ Convention on the Settlement of Investment Disputes between States and Nationals of Other States (1965). URL: https://icsid.worldbank.org/sites/default/files/ICSID_Convention_EN.pdf (дата обращения: 24.04.2023).

²² *Mihaly International Corporation v. Democratic Socialist Republic of Sri Lanka* (ICSID Case No. ARB/00/2). URL: <http://italaw.com> (дата обращения: 24.04.2023).

²³ *Salini Costruttori S.p.A. and Italstrade S.p.A. v. Kingdom of Morocco* (ICSID Case No. ARB/00/4). URL: <http://italaw.com> (дата обращения: 24.04.2023).

но при этом в нем были обозначены основные признаки инвестиции, такие как вложение капитала, срок, риск и вклад в экономику государства. В дальнейшем они были использованы при разрешении некоторых других инвестиционных споров в МЦУИС, в частности, в деле *Saipem S.p.A v. the People's Republic of Bangladesh* (ICSID Case No. ARB/05/07)²⁴.

Вместе с тем необходимо добавить, что в практике МЦУИС можно встретить и иные дела, в которых арбитры отказывались от применения вышеуказанных признаков при квалификации инвестиций со ссылкой на их рекомендательный характер. Так, в деле *Biwater Gauff (Tanzania) Ltd.v. United Republic of Tanzania* (ICSID Case No. ARB/05/22)²⁵ было прямо указано, что так называемый тест *Salini* законодательно не закреплен в Вашингтонской конвенции и потому не может признаваться обязательным.

4. Понятие инвестиции в законодательстве Российской Федерации и допустимость признания цифровых прав в качестве инвестиции

Как уже было отмечено, в Российской Федерации основным законодательным актом, определяющим порядок инвестиционной деятельности в форме, отличной от капитальных вложений (другими словами — в создание и воспроизводство объектов, не признаваемых основными фондами), является Закон РСФСР № 1488-1. Он определяет инвестиции как денежные средства, целевые банковские вклады, паи, акции и другие ценные бумаги, технологии, машины, оборудование, кредиты, любое другое имущество или имущественные права, интеллектуальные ценности, вкладываемые в объекты предпринимательской и других видов деятельности в целях получения прибыли (дохода) и достижения положительного социального эффекта (п. 1 ст. 1). В свою очередь, под объектом инвестиционной деятельности понимается вновь создаваемые и модернизируемые основные фонды и оборотные средства во всех отраслях и сферах народного хозяйства РСФСР, ценные бумаги, целевые денежные вклады, научно-техническая продукция, другие объекты собственности, а также имуществен-

²⁴ *Saipem S.p.A v. the People's Republic of Bangladesh* (ICSID Case No. ARB/05/07). URL: <http://italaw.com> (дата обращения: 24.04.2023).

²⁵ *Biwater Gauff (Tanzania) Ltd.v. United Republic of Tanzania* (ICSID Case No. ARB/05/22). URL: <http://italaw.com> (дата обращения: 24.04.2023).

ные права и права на интеллектуальную собственность (ч. 1 ст. 3). В целом аналогичное (но в то же время не идентичное) понимание рассматриваемых категорий (инвестиции, капитального вложения и объекта капитальных вложений) можно найти в Федеральном законе № 39-ФЗ.

Ранее рассмотренный Федеральный закон 2019 г. № 259-ФЗ, в отличие от Федерального закона 2020 г. № 259-ФЗ, в ст. 2 содержит легальное определение инвестиции, но оно, исходя из предмета регулирования данного Закона, имеет узкое значение, ограничиваясь лишь денежными средствами, которые используются для приобретения предусмотренных данным законом ценных бумаг, цифровых прав или при предоставлении займа для получения прибыли или достижения иного полезного эффекта.

Федеральный закон № 160-ФЗ, который подлежит применению наряду с вышеназванными законами в случае вложения иностранных инвестиций, также исходит из широкого понимания инвестиции и в своей ст. 2 определяет иностранную инвестицию как вложение иностранного капитала в объект предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации в виде объектов гражданских прав, в том числе денег, ценных бумаг, иного имущества, имущественных прав, имеющих денежную оценку исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальную собственность), а также услуг и информации.

Исходя из приведенных определений можно сделать однозначный вывод о том, что в качестве инвестиций может признаваться имущество, которое наряду с другими объектами (вещами) включает имущественные права. При этом представляется важным разграничивать категории инвестиции и объекта инвестиционной деятельности, что обусловлено сущностью инвестирования и юридическим обособлением результата инвестиционной деятельности от самих инвестиций в законодательстве²⁶. Инвестиция означает то, что вкладывается, а объект инвестиционной деятельности — то, куда инвестиция вкладывается. И в первом, и во втором случаях это может быть любое имущество (вещи и имущественные права), которое обладает способностью отчуждаться (передаваться) другим лицам.

На основании вышеизложенного не вызывает сомнения, что цифровые права как имущественные права могут вкладываться в качестве

²⁶ См.: статьи 1 и 3 Закона РСФСР № 1488-1; ст. 1 и 3 Федерального закона № 39-ФЗ.

инвестиций, а также выступать объектом инвестиционной деятельности. В последнем случае инвестиции в цифровые права должны именоваться как цифровые инвестиции и регламентироваться не только ранее рассмотренными федеральными законами 2019 г. № 259-ФЗ и 2020 г. № 259-ФЗ, но и Законом РСФСР № 1488-1 с учетом особенностей объекта вложения таких инвестиций, не являющихся капитальными вложениями. При вложении же цифровых прав в объекты капитальных вложений подлежит применению Федеральный закон № 39-ФЗ.

5. Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, следует заключить, что цифровое право (цифровое утилитарное право или цифровой финансовый актив) как особая разновидность имущества (имущественное право), признаваемая современным российским гражданским правом, может выступать в качестве инвестиции или объекта инвестиционной деятельности и, как следствие, подлежать правовой защите со стороны международного и российского инвестиционного права. Ввиду неструктурированности действующего инвестиционного законодательства РФ вложение таких цифровых прав и осуществление цифровых инвестиций (инвестиций в цифровые права) в настоящее время регламентируются разными законодательными актами. Помимо федеральных законов 2019 г. № 259-ФЗ и 2020 г. № 259-ФЗ, в зависимости от объекта инвестиционной деятельности, это может быть Федеральный закон № 39-ФЗ или Закон РСФСР № 1488-1. Кроме того, возможно также применение Федерального закона № 160-ФЗ при наличии соответствующего иностранного инвестора.

Несмотря на принятие данных специальных федеральных законов в сфере оборота цифровых прав и цифровой валюты, их правовой режим в Российской Федерации до сих пор содержит ряд пробелов и противоречий, касающихся, в частности, порядка возникновения утилитарного цифрового права и цифровой валюты, определения гражданско-правовой природы цифровой валюты, которые подлежат разрешению со стороны законодателя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ануров В.Н. Компетенция третейского суда: В 3 т. М.: Проспект, 2022. Т. 2: Инвестиционные споры.

Городов О.А. Об утилитарных цифровых правах как новом инструменте привлечения инвестиций // Проблемы гармонизации экономических отношений и права в цифровой экономике. М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2020. С. 100–110.

Ефимова Л.Г. Криптовалюты как объект гражданского права // Хозяйство и право. 2019. № 4. С. 17–25.

Инвестиционное право / Под ред. И.В. Ершовой, А.Ю. Петракова. М.: Проспект, 2021.

Кириллова Е.А., Зульфугарзаде Т.Э., Метелёв С.Е. Институт цифровых прав в гражданском праве России // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 1. С. 245–256.

Куницкая О.М. Цифровые знаки (токены) в системе объектов гражданских прав и как инвестиции по законодательству Республики Беларусь // Право.by. 2020. № 3 (65). С. 34–39.

Лисица В.Н. Инвестиционное законодательство Российской Федерации: история, современное состояние и перспективы развития // Право и экономика. 2023. № 2 (420). С. 54–60.

Лоренц Д.В. Инвестиционные платформы: унификация понимания токенов и договорный статут для смарт-контрактов // Кодификация международного частного права и проблемы международной унификации / Отв. ред. Н.Г. Доронина, Н.И. Марышева. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2021. С. 150–163.

Рожкова М.А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // Хозяйство и право. 2020. № 10 (525). С. 3–12.

Рожкова М.А. Является ли цифровое право отраслью права и ожидать ли появления цифрового кодекса? // Хозяйство и право. 2020. № 4 (519). С. 3–12.

Савоськин А.В., Коростелева Т.О. Цифровые права как субъективные права пользователей сети Интернет // e-FORUM. 2021. Т. 5. № 4 (17).

Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России / Отв. ред. В.А. Лаптев, О.А. Тарасенко. М.: Проспект, 2020.

Arbitration under International Investment Agreements / Ed. by K. Yannaca-Small. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Fintech: Law and Regulation / Ed. by J. Madir. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing, 2019.

Schill S. The Multilateralization of International Investment Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Sornarajah M. The International Law on Foreign Investment. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

The Law of Crypto Assets / Ed. Ph. Maume, L. Maute, M. Fromberger. München: Beck; Hart; Nomos, 2022.

Williams D., Foote S. Recent Developments in the Approach to Identifying an 'Investment' pursuant to Article 25 of the ICSID Convention // Evolution in Investment Treaty Law and Arbitration / Ed. by Ch. Brown, K. Miles. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 42–64.

REFERENCES

Anurov, V. (2022). *Kompetentsiya treteiskogo suda: investitsionnye spory* [Competence of Arbitral Tribunal: Investment Disputes]. Moscow: Prospect. (in Russ.).

Ershova, I. and Petrakov, A. eds. (2021). *Investitsionnoe pravo* [Investment Law]. Moscow: Prospect. (in Russ.).

Gorodov, O. (2020). Ob utilitarnykh tsifrovyykh pravakh kak novom instrumente privlecheniya investitsii [On Utilitarian Digital Rights as a New Instrument of Attracting Investments]. In: *Problemy garmonizatsii ekonomicheskikh otnoshenij i prava v tsifrovoj ekonomike* [Problems of Harmonization of Economic Relations and Law in Digital Economy]. Moscow: Justitsinform, pp. 100–110. (in Russ.).

Kirillova, E., Zulfugarzade, T., Metelyov, S. (2022). Institut tsifrovyykh prav v grazhdanskom prave Rossii [Institute of Digital Rights in Civil Law of Russia]. *Pravoprimeniye* [Law Enforcement], 6, (1), pp. 245–256 (in Russ.).

Kunitskaya, O. (2020). Tsifrovyye znaki (tokeny) v sisteme ob'ektov grazhdanskikh prav i kak investitsii po zakonodatel'stvu Respubliki Belarus [Digital Signs (Tokens) in the System of Objects of Civil Rights and as Investments Under the Legislation of Republic of Belarus]. *Pravo.by*, (3(65)), pp. 34–39. (in Russ.).

Laptev, V., and Tarasenko, O. eds. (2020). *Tsifrovaya ekonomika: kontseptual'nye osnovy pravovogo regulirovaniya biznesa v Rossii* [E-Economy: Conceptual Bases of Legal Regulation of Business in Russia]. Moscow, Prospect. (in Russ.).

Lisitsa, V.N. (2023). Investitsionnoye zakonodatel'stvo Rossijskoj Federatsii: istoriya, sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya [Investment Legislation of the Russian Federation: History, the Present Statement and Perspectives of Development]. *Pravo i ekonomika* [Law and Economy], (2(420)), pp. 54–60. (in Russ.).

Lorents, D. (2021). Investitsionnye platformy: unifikatsiy ponimaniya tokenov i dogovorny statut dlya smart-kontraktov [Investment Platforms: Unification of Understanding of Tokens and Applicable Law to Smart Contracts]. In: *Kodifikatsiya mezhdunarodnogo chastnogo prava i problemy mezhdunarodnoy unifikatsii* [Codification of Private International Law and Problems of International Unification]. Moscow, pp. 150–163. (in Eng.).

Madir, J. ed. (2019). *Fintech: Law and Regulation*. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing. (in Eng.).

Maume, Ph., Maute, L., Fromberger, M. eds. (2022). *The Law of Crypto Assets*. München: Beck; Hart; Nomos. (in Eng.).

Rozhkova, M. (2020). Javlyaetsya li tsifrovoye pravo otrasl'u prava i ozhidat' li pojavleniya tsifrovogo kodeksa? [Is Digital Law a Branch of Law and Is Digital Code Expected to Be Adopted?]. *Khozyajstvo i pravo* [Economy and Law], (4 (519)), pp. 3–12. (in Russ.).

Rozhkova, M. (2020). Tsifrovye prava: publichno-pravovaya kontseptsiya i ponyatiye v rossiyskom grazhdanskom prave [Digital Rights: Public Law Concept and Definition in Russian Civil Law]. *Khozyajstvo i pravo* [Economy and Law], (10 (525)), pp. 3–12. (in Russ.).

Savoskin, A. and Korostyleva, T. (2021). Tsifrovye prava kak sub'ektivnye prava pol'zovately seti Internet [Digital Rights as Subjective Rights of Users of Internet]. *e-FORUM*, 5, (4 (17)). (in Russ.).

Schill, S. (2009). *The Multilateralization of International Investment Law*. Cambridge: Cambridge University Press. (in Eng.).

Sornarajah, M. (2004). *The International Law on Foreign Investment*. Cambridge: Cambridge University Press. (in Eng.).

Brown, Ch. and Miles, K. eds. (2011). Williams, D. and Foote, S. *Recent Developments in the Approach to Identifying an 'Investment' pursuant to Article 25 of the ICSID Convention. Evolution in Investment Treaty Law and Arbitration*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 42–64. (in Eng.).

Yannaca-Small, K. ed. (2010). *Arbitration under International Investment Agreements*. Oxford: Oxford University Press. (in Eng.).

Yefimova, L.G. (2019). Kriptovalyuty kak ob'yekt grazhdanskogo prava [Cryptocurrencies as an Object of Civil Law]. *Khoz'yajstvo i pravo* [Economy and Law], (4), pp. 17–25. (in Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Лисица Валерий Николаевич — ведущий научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, доцент.

AUTHOR'S INFO:

Valeriy N. Lisitsa — Leading Researcher, Department of Civil and Business Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor of Law.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Лисица В.Н. Цифровые права и цифровая валюта как объект защиты в международном и российском инвестиционном праве // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2023. Т. 18. № 4. С. 134–149. DOI: 10.35427/2073-4522-2023-18-4-lisitsa

FOR CITATION:

Lisitsa, V.N. (2023) Digital Rights and Digital Currency as an Object of Protection in International and Russian Investment Law. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS, 14(6), pp. 134–149. DOI: 10.35427/2073-4522-2023-18-4-lisitsa